

А кто же тогда заслуживает его? Хулюй Чэн чувствовал странное раздражение, не понимая причины.

Так продолжалось до тех пор, пока в пятнадцать лет ему не приснился сон.

Человек во сне был обёрнут лишь одной красной накидкой, которая контрастировала со снежно-белой кожей, подобно красным сливам на снегу.

Хулюй Чэн не мог разглядеть лица, ему лишь неистово хотелось прижать его к себе и утереть горячее желание.

Та красавица во сне была покорна и лежала в объятиях Хулюй Чэна. Её чёрные волосы до пояса струились по плечам, словно шёлк.

Хулюй Чэн увидел, как она подняла голову. Лицо было пустым, без черт, лишь глаза — невероятно красивые, яркие, как лепестки персика.

Он замер, вспомнив кое-кого, и посмотрел вниз. Грудь, полускрытая красной накидкой, была абсолютно плоской.

— Хулюй Чэн, ты можешь мне помочь?

Голос раздался смутно, проникая в сознание. В нём было меньше звонкости, чем в детстве, но больше невыразимого терпения и мольбы со слезами на голосе.

— Хулюй Чэн, помоги мне...

— ...Сы! — крикнул Хулюй Чэн и наконец разрядился.

Он тяжело дыша открыл глаза; нижнее бельё было влажным. Хулюй Чэн смотрел на верх палатки и наконец понял, почему, глядя на танцующую перед ним куртизанку с её соблазнительной фигурой, он чувствовал лишь скуку.

Красный цвет достоин только того, кого растили и лелеяли в Да Юн, — Наследного принца Цзин Сы.

Осознав, о ком он думает, Хулюй Чэн покраснел даже до шеи. Он отвёл взгляд от талии Цзин Сы, боясь дать волю зверю желания внутри себя.

Тем временем разговор Цзин Сы и Цзин Вэй подошёл к концу. В этот момент евнух доложил, что все чиновники прибыли во дворец и ждут начала утренней аудиенции в переднем зале.

Цзин Вэй бросил взгляд на Хулюй Чэна. Видя, что тот всё так же скромно стоит с опущенной головой и не проявляет никакого недовольства из-за предыдущего пренебрежения, император остался доволен. Он громко рассмеялся.

— Не будем заставлять моих министров ждать. Идите со мной.

Хулюй Чэн и Цзин Сы ответили хором.

— Да, Ваше Величество.

Утренняя аудиенция была для Хулюй Чэна невероятно скучной. Наблюдать, как старые чиновники, разделившись на клики, спорят из-за мелкой выгоды, не имело никакого смысла.

Его взгляд блуждал, пока не остановился на статном Цзин Сы.

И тут Хулюй Чэн снова почувствовал недовольство.

Он заметил, что на аудиенции немало тех, кто крадётся взглядом на Цзин Сы.

Особенно когда Цзин Сы выступал посредником в конфликтах между партиями, эти жадные взгляды были совсем нескромными!

Взгляд Хулюй Чэна на мгновение стал свирепым. Он запомнил этих людей про себя, планируя, как проучить их, как вдруг император назвал его имя.

— Генерал Хулюй.

Хулюй Чэн скрыл хитрость в глазах, сделал два шага вперёд.

— Слушаю, Ваше Величество.

Цзин Вэй тоже устал от этих мелких споров. Увидев серьёзного Хулюй Чэна, он почувствовал, что уши стали чище, и относился к нему всё более благосклонно. Тон его перестал быть таким холодным, как раньше.

— Ты разместил послов Боюя?

— Ответ Вашему Величеству, я разместил их в западной гостинице столицы.

Цзин Вэй кивнул.

— Принц Боюй прибыл издалека. Генерал Хулюй, потрудись в ближайшие дни сопровождать его по столице.

Услышав, что император не упоминает о приёме, Хулюй Чэн понял его план и отступил.

После шумного утра аудиенция наконец закончилась. С объявлением главного евнуха «Аудиенция окончена», чиновники стали выходить из Чертога Тайхэ один за другим.

Хулюй Чэн смотрел на Цзин Сы, стоящего примерно в одном полёте стрелы, и принял решение, направившись туда.

Хулюй Чэн был военным и стоял слева в зале, а Цзин Сы — справа, на первом месте. Чтобы подойти к нему, требовалось время.

Но за это время его опередили.

Когда Цзин Вэй ушёл, чиновники, потеряв сдерживающий фактор, расслабились. Несколько молодых сановников окружили Цзин Сы, то и дело обращаясь «Ваше Высочество», с жаром задавая вопросы. Хулюй Чэн подошёл ближе и услышал, что спрашивают о пустяках.

Либо хотели пригласить Наследного принца на какой-то нытьё поэтический вечер, либо хвастались новым скакуном, прося оценить, либо спрашивали смысл редкого стиха... Мрачный взгляд Хулюй Чэна скользил по их лицам. И действительно, большинство из них только что крали взгляд на Цзин Сы.

Молодой Наследный принц был мягок и нежен, как нефрит. Он улыбался каждому, и даже

отказывая в приглашениях, делал это с безупречным этикетом, к которому невозможно было придраться.

Вежливо отклонив приглашения и ответив на вопросы по стихам, которые они откуда-то откопали, Цзин Сы сохранял спокойствие, но в душе уже раздражался.

Эти избалованные отпрыски знатных родов, получившие должности лишь благодаря заслугам предков, день ото дня не думали о том, как служить стране, а занимались лишь бесполезными вещами.

Ему правда не хотелось их слушать.

— Хм.

В этот момент раздалось холодное фырканье, нарушив видимое согласие. Молодой генерал, молчавший всю аудиенцию, произнёс с насмешкой.

— Я только сейчас узнал, что Наследный принц должен не только управлять государственными делами, но и служить наставником для некоторых чиновников, плохо учившихся, отвечая на их вопросы?!

На мгновение повисла тишина.

Чиновник, спросивший про редкий стих, покраснел и возмущённо сказал.

— Его Высочество ещё ничего не сказал, а ты, грубый воин, берёшься защищать.

Тут Хулюй Чэн ещё не успел открыть рот, как Цзин Сы заговорил первым.

— Вице-министр Ли, стих, о котором вы спросили, если я не ошибаюсь, есть в «Цзы Я». Неужели ваш учитель был настолько плох, что не сообщил вам об этом?

«Цзы Я» — одна из обязательных книг для экзаменов в Да Юн. То, что Вице-министр Ли даже не знал, что этот стих там есть, действительно означало «плохую учёбу».

Стыдимый словами Цзин Сы, Вице-министр Ли ненавидящим взглядом посмотрел на Хулюй Чэна и сквозь зубы произнёс.

— Я не искушён в учёбе, прошу наказать меня, Ваше Высочество.

— Наказать? — Цзин Сы слегка улыбнулся. — Тогда перепишите «Цзы Я» один раз.

— Да.

Такое лёгкое наказание Вице-министр Ли мог в любой момент поручить слуге, чтобы тот переписал десятки раз, но лицо было потеряно. Вице-министр Ли не хотел задерживаться, попросил прощения и, хлопнув рукавом, ушёл.

Остальные шли по стопам Вице-министра Ли. Теперь, когда лидер ушёл, они не смели и связываться, и ушли все сразу.

Теперь в зале остались только Цзин Сы и Хулюй Чэн.

Хулюй Чэн внезапно напрягся, ладони вспотели. Он взглянул на Цзин Сы и увидел, что тот

смотрит на него. Он ещё больше нервничал и даже начал заикаться.

— Ваше... Ваше Высочество.

Цзин Сы увидел его сжатые кулаки и вдруг улыбнулся. Глаза его чуть изогнулись, в них появилось больше хитрости, чем в прошлой мягкости.

— Только что ты говорил очень бегло. Почему снова заикаешься?

— Генерал Хулюй?

Хулюй Чэн вспыхнул до корней волос. Он, который в лагере мог слушать самые грубые шутки и спокойно подшучивать в ответ, теперь смутился от такой простой фразы.

— Ваше Высочество, не смейтесь надо мной.

Цзин Сы счёл это невероятным. Тот волчонок, который в детстве смел пробраться в Восточный дворец, теперь имел такую тонкую кожу. Он не удержался и сказал.

— Генерал, ты изменился.

Только что, когда отец был рядом, Цзин Сы не успел рассмотреть его внимательно. Теперь, тайно осмотрев, он обнаружил, что у него высокие брови, звёздные глаза и прямой нос. Он невольно восхитился в сердце: действительно выдающийся генерал, о каком мечтают девушки в снах.

С другой стороны, услышав слова Цзин Сы, Хулюй Чэн почувствовал, как сердце защемило.

Сейчас обстановка в Да Юн спокойна. Даже в Цюэду, где годами бушевали войны, прошло несколько тихих лет.

В мирное время статус военных, естественно, падает. Хотя Хулюй Чэн и занял место отца, немногие министры по-настоящему признают его.

Иначе тот самый Вице-министр Ли не посмел бы говорить с ним таким тоном.

Хулюй Чэн не обращал на это внимания. На самом деле ему не было большого интереса к тяжёлой власти. Единственная причина, по которой он согласился занять место отца, заключалась в человеке, которого он держал на кончике сердца, сидящем далеко, на высоком посту.

За Цюэду простирается равнина. Как только люди Боюя, искусные в верховой езде и стрельбе из лука, захватят Цюэду, им понадобится не больше трёх дней, чтобы дойти до Юнцзина.

За сотни лет между Да Юн и Боуем не прекращались трения. Каждый дюйм земли Цюэду был окрашен кровью.

Хулюй Чэн, сражавшийся на поле боя, глубоко понимал ужас людей Боюя. Если их пустить внутрь, Да Юн, вероятно, будет залит кровью.